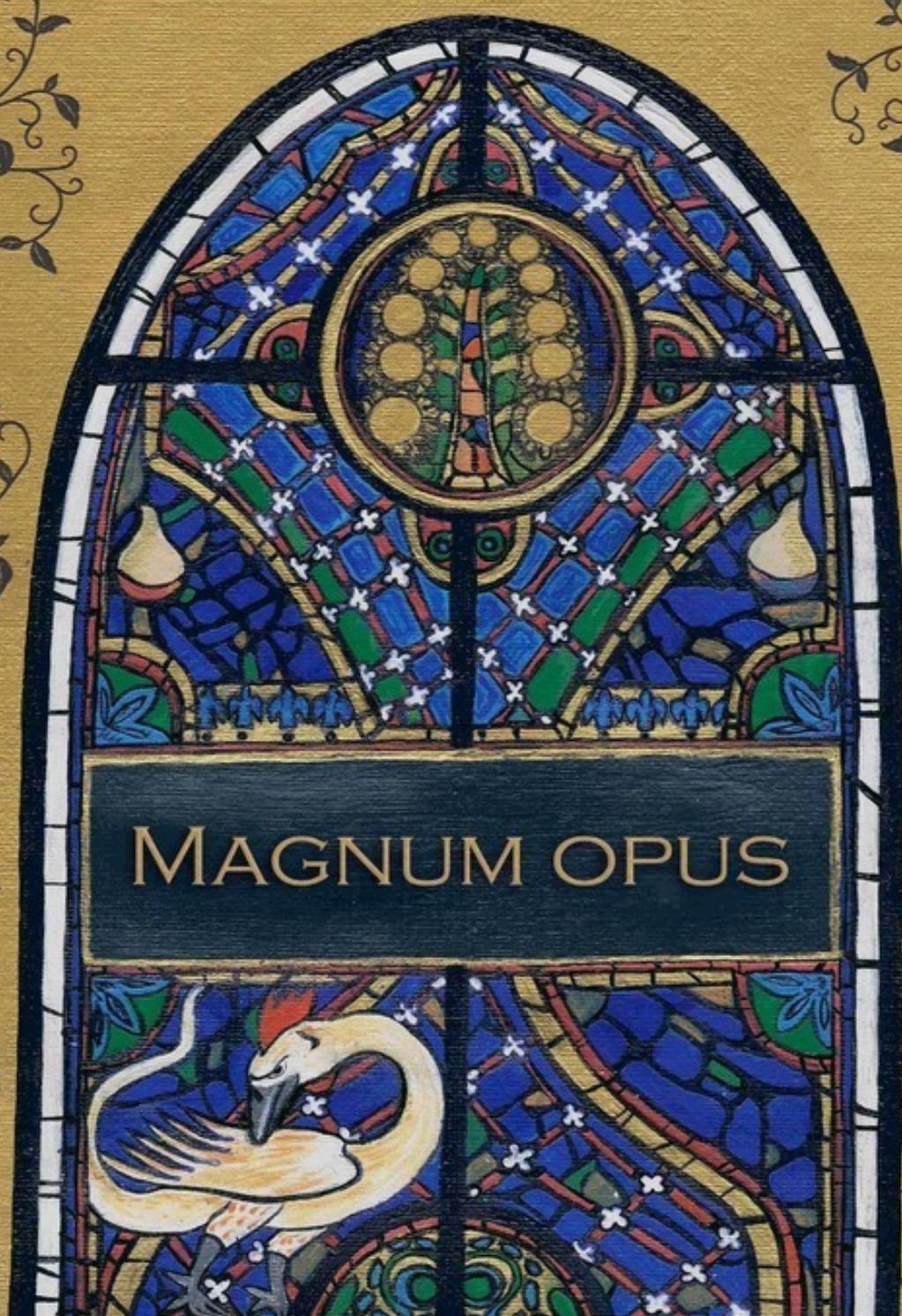

Наталья Исаенко
Гленн Вяткин
Юлия Архирей
Ирина Данилова
Максим Александров

Юлия Архирий

Magnum Opus

«Издательские решения»

Архирий Ю.

Magnum Opus / Ю. Архирий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963246-3

Если пройденные нами пути — это стадии великого делания, а сама жизнь — алхимический процесс, то останется ли место для случайного и незначительного? Рассказ поведут пять очень разных авторов и художник.

ISBN 978-5-44-963246-3

© Архирий Ю.
© Издательские решения

Содержание

Наталья Исаенко	6
Стране Востока	6
Странничья сказка	9
«Ночные шорохи крылаты ...»	10
Песнь Лесу	11
Акела	13
Иначе	14
Алхимик	15
Я сделал	16
Триумф	17
Фламандская доска	18
Ассоциация	19
Сердце	20
Сумеречное	21
Кто я?..	22
Граница	23
Геометрия	24
Цивилизация	25
Жажда	26
Колокола	27
Вечерняя молитва	28
Ода беспризорной кошке, встречающей полнолуние	29
Следы	30
Гленн Вяткин	32
Нигде не местный	32
Басё. Незнакомое лицо классика	34
Баскунчак: Великий Консервант	36
Скала	37
Магритт. Яблоки	41
Пруд	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Magnum Opus

Авторы: Исаенко Наталья, Вяткин Гленн, Архирий Юлия, Данилова Ирина, Александров Максим

Иллюстратор Елена Кобякова

Корректор Ирина Иванеженкова

© Наталья Исаенко, 2019

© Гленн Вяткин, 2019

© Юлия Архирий, 2019

© Ирина Данилова, 2019

© Максим Александров, 2019

© Елена Кобякова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-3246-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наталья Исаенко

Стране Востока

* * *

Девочка-бодхисаттва
Стелет свой путь золотой.
Беспечная осень.

* * *

Гвардия в чёрно-серебряном,
Верные и молчаливые —
Ночь. Тополя под дождём.

* * *

Верно, в небесных садах
Вишни в цвету —
Землю заносят белым...

* * *

Холодно-чисты сумерки.
Звон проливается синим
В опрокинутой чаше неба.

* * *

Дыханье и ветви морозны,
Но солнце не в силах ждать —
Плетёт кружева весны.

* * *

Хлопнули крылья в тумане.
Тяжести ветка лишилась.
Качается сиротливо.

* * *

Чайный домик к ночи опустел.
Гейша убирает веер. Слезы.
Не видны.

* * *

Погляди на сосульки:
Замёрзшие слёзы
Однажды закапают снова.

* * *

Остро отточено лезвие.
Солнечный луч один
Без страха скользит по нему.

* * *

Вместо звезды упавшей
Новая засветилась.
Так же в бессмертье верит.

* * *

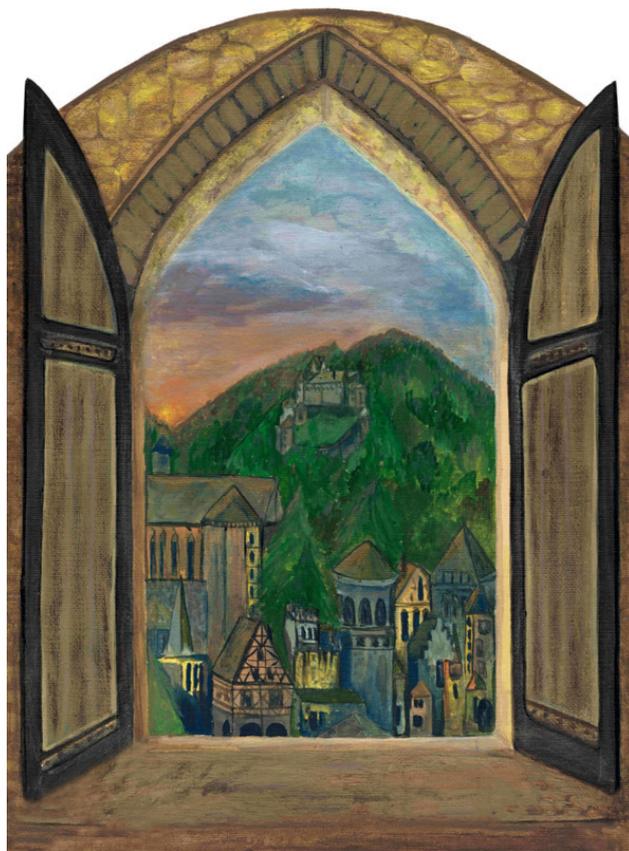
Воду разбило весло.
Тысяча лун сверкнули
В тысяче капель.

* * *

Тишина – это звон капли
Через миг после
Падения.

* * *

Капля слилась с волною
И умерла. Но море
Стало иным, чем прежде.

Странничья сказка

У бродяги из котомки
Сказка выпала случайно —
Будто колокольчик звонкий
Звякнул робко и печально.

Ласковой была, ручною —
А поди ж ты, потерялась...
Придорожной лебедою
Поднялась, да и осталась.

Ветры горькие степные
Пели песни ей под вечер,
Непутёвые, шальные,
Пьяно падали на плечи.

Дождь с ума сводил: то плакал,
То смеялся без умолку,
Обещал, что будет братом,
И бросал – легко, надолго...

А ещё шептались звёзды,
Не давая спать ночами,
И росой катились слёзы
От неведомой печали.

На лету роняли птицы
Вести с дальних побережий,
И колёс тележных спицы
Память путали небрежно.
...Вздохом было, эхом стало,
Жгло бессильем и надеждой,
Семенами в душу пало,
Проросло судьбой мятежной.

И не зря луны повозка
За собой манит бродягу —
Ждёт его у перекрёстка
Непридуманная сага.

«Ночные шорохи крылаты ...»

Ночные шорохи крылаты —
И не поймать, и не уснуть.
А ветер ластится патлатой
Собакой – лапами на грудь.

Отставшей тенью каравана
Бродячий стелется песок.
Ущелья резаная рана
Тревожит холодом висок.

Углей рубиновая тайна
Вот-вот раскроется в горсти,
И соколиный окрик дальний
Плеча касается почти...

И с нежной грустью неизменной,
Храня пути детей земных,
Мерцают в пустоши Вселенной
Глаза медведиц голубых.

Песнь Лесу

О, мой господин,
Великий и нежный!
Мой дом безмятежный,
Позволь мне войти,
Раствориться до капли в тебе
И в Музыке каждого древа,
И веток опавших,
Теней, потерявших
Дорогу во мхе,
И солнечных бликов,
И малой травинки,
Дрожащего тонко листа,
Поляны, и неба над ней лоскута,
Колодцем открытого
В кружеве крон,
И призрачной паутинки...
Ты слышишь их звон,
И шёпот, и стон —
С любой из сторон,
В дыханье самом,
Смолистом и пряном,
Росистом,
Пронизанном птицами
Сердце
Бессмертного Леса,
Что держится вровень
С моим,
И покоем,
И силою полнит меня
День ото дня.
И Музыка жизни
От самых корней
По жилам
Течёт все ясней
Навстречу весне —
Из почки рождённым
Зелёным бутонем,
Соцветием Света
В ладонях,
Разбуженных песней
Волшебного Леса,
Вечного Леса...

Зови же меня
По имени,

В дальнем пути
Храни меня,
Мой господин.
И когда я вернусь,
У тебя на груди
Бестревожно усну
И останусь
Нотой сосновой
В сонате стволов,
В осень подёрнутых инеем,
Голосом из голосов:
Властвуй, Живи,
Храни меня.

Акела

Белым волком зимы
Я приду на твоё крыльцо.
Под окном – погляди —
Отпечатки могучих лап.
Нынче ветер с луны,
И морозная пыль в лицо,
И восток впереди —
Будто в сердце моём стрела.

Долго ждать не смогу,
Только жёлтый зрачок звезды
Будет тысячу лет
И надежду хранить, и грусть.
Погляди – на снегу
Розовеют мои следы.
Это, верно, рассвет,
Рассекающий неба грудь.
Это, верно, рассвет...

Иначе

Флейта ли дальняя плачет?
Сердце ли близко стучит?
Звёзды немного иначе
Светят тому, кто не спит.

Впрочем, не спится-то многим,
Только не каждый вдохнёт
Запах осенней дороги —
Лунный густеющий мёд.

Только дорога не прячет
Памяти тонкую нить —
Птицы тревожат иначе
Тех, кто умеет любить.

Рана открытая – слово —
Дольше болит на ветру.
Ищешь ли берега иного?
Парус ли ждёшь поутру?

Это простая задача,
Если сумеешь решить —
Если решишься *иначе*
Видеть, и помнить, и жить.

АЛХИМИК

Кто ныне я? Кто прежде был со мной —
Тот знал поэта, спутника любви,
И воина с мечами за спиной,
Дороги выбиравшего свои.

А пёстрым миром правил тёмный рок,
Цвета надежд сгустив до пустоты.
И я искал и ключ найти не мог
К вратам ещё не узнанной мечты.

И я закрыл глаза, чтоб видеть даль —
Такую даль, что лишь Отцу видна.
Я снял доспех, и грудь моя печаль
Земли и неба выпила до дна.

Кто ныне я? ...И как ответить мне,
Пред совестью в обличье Бытия
Стоящему с Богами наравне?
Заложена не жизнь – душа моя

Основой в Камень вечного огня,
Опорой в мост сквозь адовы круги
К иному миру, что творил меня,
Как я его. Теперь – удел других

Пройти сквозь лабиринт по зеркалам...
Я – знак у придорожного столба,
И я – любовь, и я – горящий гнев,
Что разрывает сердце пополам,

Я – тигль, в котором плавится судьба
Царей и нищих, капель и планет.
Я – свет, что льётся через край стекла,
И пепел, оседающий на дне.

Я сделал

Свершилось. Всё будет так,
Как я заповедал – БЫТЬ.
И ангелы дали знак,
Что время лицо открыть.

Сшедшие в плоть меча,
Оплавились свет и мрак.
И белым из-за плеча
Метнулось: Да будет так!

Возмездья не избежать,
Закона не преступить,
Но право моё – решать,
Но этому миру – жить!

И души будить от сна,
И вечно уметь любить...
Дорога уже видна,
И слово пылает – БЫТЬ!

Триумф

Я свободен от тяжких забот.
Я счастливей любого из вас.
Поспешите от южных ворот
И от северных – близится час!

Подмастерья, торговцы, рабы,
Слуги, нищие и солдатня,
Кто не смеет уйти от судьбы —
Поспешите взглянуть на меня!

Я судьбу свою правил собой,
И затем так небрежно теперь
С непокрытой стою головой
Над землёю надежд и потерь.

И затем справедлив приговор,
Что не верил неверным богам,
Что колдун был, мятежник и вор —
Всё глашатай поведаст вам.

Не позволит узнать одного:
Велика ли взаправду вина —
Что любил, не спросив никого,
И забыть не захочет она!

...Не дописана пара страниц,
И остался до истины шаг.
Но на крыльях ликующих птиц
Удержаться сумеет душа.
Разрывается серая хмарь,
Переулки штурмуют ветра...
А чего это встал государь?
Ах, на башне проббили: пора!

Что за глупость – казнить по часам?
И, беспечней любого из вас,
Я смеюсь голубым небесам,
Не желая завязывать глаз.

Фламандская доска (А. П.-Реверте)

Это всего лишь игра, герцогиня.
Это всего лишь игра.
Чёрным по белому сброшено имя
С тонкого среза пера.

Белая роза и чёрные латы —
Памятью каждой строки.
Чёрные, белые встанут солдаты
В клетках фламандской доски.

Неосторожен ли доблестный рыцарь?
Не по тебе ли цена?
Это всего лишь игра, Беатриса...
Это всего лишь война.

Ассоциация (300 лет спустя)

Свежеструганные доски —
Точно в ряд, точно в ряд.
Топорам работы вдосталь —
Как на солнце горят!

Ладят жёлтые подмости
На столбы, на столбы,
Да стекают пота блёстки
На мужицкие лбы.

Стружки сыплются под ноги —
Если в глаз, так до слёз.
Только что ж я на дороге
Словно к месту прирос?

Будет нынче лицедеям
Где народ завести.
Ну а мне какое дело?
Нет бы мимо пройти...

Славно спорится работа!
Улыбнись, так и быть:
Свежий запах эшафота
Не забыть, не забыть.

Сердце

На берегу канала
(Сумерки сизым пыли)
Два золотых кинжала
Юность мою пронзили.

Ласково-золотые,
Лунные твои очи
В сердце моём застыли
Парой кинжалов прочных.

Девушка из долины
Имени не сказала,
Лишь лепестки жасмина
В воду, смеясь, бросала.

Утром ушла безмолвно
(Вслед тополя кивали)
В белом тумане, словно
В шёлковом покрывале.

...Сумерки сизы снова.
Ветер с холмов горячих
В зарослях камышовых
Пойманной птицей плачет.

Рана не позабыта,
Меньше болеть не стала.
В сердце моём разлита
Тёмная гладь канала.

Сумеречное

В сине-серебряном бархате вечер
Струны дождя тревожит —
Плачет гитара о верном и вечном
Так, как никто не сможет.
Полночь опустит мантильи на лица,
Песни прервёт и речи.
Вечер уйдёт... А сердца будут биться —
Верно и вечно.

Кто я?..

«Ну зачем я ввязался в драку?» —
Промелькнуло уже в броске.
Жил и жил бы себе собакой
На коротком на поводке.

Погромыхивал цепью важно,
Подвывал на свою луну
Да облаивал стаю вражью
Про себя, отходя ко сну...

А что воли хотелось малость —
Так учили: умей терпеть!
Но плеснула из горла ярость
На шальную людскую плеть.

Я достану. Ударюсь в пламя.
А потом заблестят ножи.
А потом будут рвать зубами
Те, что псами остались жить.

Кто-то выщедит: «Вот волчара!..»
Может, по боку пнёт ногой...
И поймает, почти случайно,
Взгляд ещё не остывший мой.

И отпрянет – не то со страху,
А не то и поймёт, дурак...
Нет, не зря я ввязался в драку...

Граница

Вы видели, как луч идёт сквозь темноту? И что разделяет их?..

Нет ничего более зыбкого и ничего более постоянного, чем грань. Точка перехода. Точка равновесия. Его так легко нарушить...

Но сама граница останется неизменной.

Тающий лёд. Сосулька, истекающая каплей. Между водой и твёрдым кристаллом, на грани плюса и минуса – вечный ноль.

Светораздел солнца и тени.

Танцовщица на шаре.

Крутящийся диск на кончике иглы в руке жонглёра. Точность на самом краю падения...

Чаши весов мироздания, дрожащие от буйства страстей и стихий. Две чаши на тонкой нити над бездной. Они качаются – перевесит одна? Другая? Или обе они, переполнившись, разом туго натянут звенящую нить, что на самой грани разрыва. На грани...

Точка равновесия. Точка перехода. Момент истины. Каждый миг может стать последним...

Но вот уже целая вечность, как бытие перемешано с небытием и держатся нестираемые границы. Всё – сплошное переплетение границ, золотое шитьё звенящих нитей.

Этот звон слышен порой – на грани луча и темноты.

Геометрия

Люди глядят на небо
Из-за оконных рам,
Проводов и тюремных решёток,
Из-под колючей проволоки,
Через прицел телескопов,
В узкие прорези улиц,
Между высоток, столбов, оград...
И кажется им, что небо —
Лишь кусок геометрии,
Делящей мир на квадраты,
Квартиры, плацдармы,
Расы, религии, буквы
Мёртвых законов...
А небо глядит вниз
И всё ещё ждёт.

Цивилизация

В извилистых серых колодцах,
Вгрызаясь упорно всё глубже,
Живут миллионы уродцев,
Забывших о звёздах ненужных.

Они называют их «башни»
И очень гордятся собою,
Поскольку уродцам неважно,
Куда им ползти головою.

Жажда

От жажды почти умирая,
Шалея под злыми ветрами,
Страна моя, вечно хмельная,
К чему припадаешь губами?

Есть вина печали и лести
И гнева пьянящие мёды,
Есть вина и славы, и чести,
Есть вина любви и свободы.

Одни у господ и вассалов
По чашам широким разлиты.
Другие во мраке подвалов
Засыпаны и позабыты.

А третьих не вызрели лозы,
Как видно, под солнцем России —
Сберечь не сумели в морозы
Да летом воды не носили...

Колокола

Литые души колоколов
Гудят надрывно и непрерывно.
Гудят – «Помилуй!..» Летит – «Осанна!..»
Поверх туманов и куполов.

Поверх безличья и суеты,
Над нищетою и над венцами
Гудят обветренными сердцами,
Неотлучёнными высоты.

Любви и боли не нужно слов.
В огне рождённые изначально,
Не позволяют себе молчанья
Литые души колоколов.

У них лечитесь от немоты —
Горите, бейтесь, звените сами
Ветрам подставленными сердцами,
Неотлучёнными Высоты.

Вечерняя молитва

Сердце к свече ближе
В готике стен ночи.
Господи, Ты слышишь,
Знаю, чего хочешь.

Дух Твой в меня вложен,
Словно огонь – в землю,
Словно клинок – в ножны,
Словно цветок – в семя.

Вижу: звездой первой
Сумрак небес теплешь.
Слышу, с какой верой
Имя моё шепчешь.

Ода беспризорной кошке, встречающей полнолуние

Бродячая кошка, уставши
От голода, блох и собак,
В полночь – не позже, не раньше —
Залезет на мусорный бак.
И время застынет послушно
В слиянье луны и зрачка,
Где Нил растекается душным
Цветеньем у ног тростника.
На дне желтоглазом – ни тени
Бездомных тревог и обид,
Лишь отблески звёзд... и ступеней
До самых вершин пирамид.
Прекрасная Баст, ты всё та же —
Бессмертны душа и луна...
А храмовый камень всё глаже,
И бредят песком письма.
И так тебе править и падать,
Храня свои тайны, пока
Миры обращаются в память
И полночь на грани зрачка...

Следы

Мы приходим снова и снова.

Эпохи и пространства сменяют друг друга, а мы проживаем судьбу за судьбой, обновлённые, совсем ничего не помня о том, как это было «там» и «тогда». Почти ничего.

Порой мы встречаем знакомых... и что-то странное, неуловимое вдруг встрепетается в душе – «Постой! Я... знаю тебя?..» – Но не удержать этого мига, не понять, что несёт в себе новый изменчивый облик... И кто сказал, что лишь человеческим душам назначено проходить эти Круги вместе с нами? Вы помните? – как цеплял взгляд и сердце простой, неприметный камешек, подобранный на дороге? И ладонь так не хотелось разжимать... А однажды вы присели возле ручья в парке – просто парк, просто день, просто ручей... вода... – и как защемило ни с чего в груди и держало вас на этом месте, будто звали по имени...

Вы находили, наверное, дерево – боже, такое же, как десятки и сотни других! – но необъяснимо потянуло прижаться к *этому* шершавому стволу, погладить рукой... Хотелось ещё возвращаться и смотреть, смотреть на него, пытаюсь поймать намёк волшебной тайны, навек сокрытой от вас и так хорошо вам известной когда-то... Вы растерянно улыбаетесь – да, конечно, вы действительно видели *такое* дерево. И *такие* облака. И дотрагивались до *такого* снега. И вдыхали *такой* ветер – и узнавали его, узнавали безошибочно по быстрым толчкам крови в висках, по опьяняющему восторгу или внезапной тоске, которых никому больше не могли объяснить. Да, да...

У меня дома на столе стоит высокая белая свеча. Я иногда зажигаю её, когда пишу.

Здравствуй, огонёк. Золотистый шаловливый котёнок. Вчера для меня плясал твой братишка...

Слегка дрожит от сквозняка из окна, мечется и льнёт к пальцам... Да, это я дала тебе жизнь сегодня. Немного побудем вместе, непоседа.

...Никак не ложатся строчки. Обрываются мысли, а глаза всё останавливаются на ровном жёлтом язычке над белым столбиком. С ним уютно и чуть грустно, он завораживает и манит, манит... Хочется приласкать его осторожно, полюбив ладонью... Ну что ты, не бойся! Такой яркий и такой пугливый... Конечно, он чувствует, что слаб и беззащитен и никуда не денется от высокого ствола свечи, по которому опаловыми слезами-каплями медленно ползёт расплавленный воск. Мне так легко оборвать его существование в этом мире, где мы только что встретились...

Где ты был, с кем ты был все эти пятьсот лет? Прости, тогда я проклинала тебя, наверное. Я была так испугана, слаба и беззащитна и никуда не могла деться от высокого белого столба... А вокруг множество людей стояли и ждали, когда ты оборвёшь мою жизнь. Прости, я не знала... ты не хотел делать мне больно. Ты хотел только обнять и приласкать меня большими горячими ладонями... Я не в обиде, правда.

Ты оставил на мне следы. А я, похоже, на тебе... Поэтому мы и смогли *узнать*.

Сегодня я не стану гасить свечу. Может быть, и совсем не буду. Она большая... Раз уж так случилось, поговорим подольше, посмотрим друг на друга. Кому ведомо, когда ещё увидимся? И что вспомним?.. И какими станем...

Гленн Вяткин

Нигде не местный

* * *

Господи,
извини, что к тебе обращаюсь.
Сам я не местный...
* * *

Можешь представить,
что ощущает капля
на гребне волны?

* * *

Бабочки в звёздной
Плутают пыли... Свечкой
Подам им сигнал.

* * *

Замёрзший воздух.
Сквозь ветки – ламп голубых
Мерцающий свет.

* * *

Замело. И снег
Невидимой приоткрыл
Реальности дверь.
* * *

Закрыто окно,
Мир за ним тоже закрыт.
Преграда внутри.

* * *

Истина споры
Издали наблюдает —
Не любит шума.

* * *

Жалко, что я не
Родился в Японии:
Писал бы хокку...

Басё. Незнакомое лицо классика

*«На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер».*

На голой ветке
Ворон газету читает.
Осенний вечер.

*«Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине».*

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Цунами в лесу.

*«Капустное поле.
Где-то на самом краю —
Вершина Фудзи».*

Фудзи. Улитка
Спешит – там, на вершине,
Зреет капуста.

*«Если гость забредёт,
Поскорее прикинься лягушкой,
Спелая дыня».*

Если гость забредёт,
Поскорее прикинься кефиром,
Бутылка с вином.

*«По дороге не ссорьтесь,
Помогайте друг другу, как братья,
Перелётные птицы!»*

По дороге не ссорьтесь,
Не деритесь друг с другом,
Финские парни!

*«Бабочка в саду.
Подползёт дитя – взлетает,
Подползёт – взлетает».*

Таракан на полу.

Подползёт – дитя взлетает,
Уползёт – падает!

*«Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи
Вверх, до самых высот!»*

Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи,
Придержи свою пруть!

Тихо сползает
Улитка по склону
Зеркальному Фудзи.

*«Глянь-ка, монах
В поле справляет нужду,
Прикрываясь зонтом».*

Глянь-ка, монах
В поле справляет нужду,
Прикрываясь Фудзи.

Баскунчак: Великий Консервант

Плоская тарелка с солью
Кружатся инопланетные облака
Солёное безразличие солнца
В сухой траве прыгают кузнечики
Соль звенит в проводах
Сонные норы сурков
Полынья и солёная прорубь
Красные ветки травы
Выросли на солёной трясине
И где-то в конце пути
За солёными каплями пота
Склоны красной горы
Богдо.

Скала

Воздух как стекло. Одинокая муха равномерно жужжит минуту, повиснув над серединой ржавой пластины стола, и вылетает через пустое окно. Я подозреваю, что она следит за мной. Каждое утро после завтрака она залетает ко мне. Издали доносится протяжный скрип, будто в доме великана сквозняком потянуло чугунную дверь на кривых петлях. Миска с остатками утренней каши стоит передо мной на краю стола, рядом лежит ложка.

В кружке два глотка тёплой, пахнувшей ржавчиной воды. Пью медленно, растягивая счастье, представляю, что это река: шевелят плавниками серебристые рыбы, на поверхности покоятся круглые листья кувшинки, тягуче колышется подводная трава, песчинки кружатся в завихрениях у самого дна, русалки снуют гибкими тенями. Полупрозрачная рябь отблесками, словно чешуя, покрывает прекрасное жидкое тело речного существа.

Вот последняя капля протекла в горло, и через секунду мысли о жажде снова настойчиво лезут в голову. У меня есть на этот случай средство. Там, в голове, я их загоняю в тёмный чулан и запираю шваброй. На какое-то время это помогает.

Преодолевая пластичную инертность свинца, заменяющего мне кровь, я поднимаюсь и шагаю к скамье у стены. Посуда остаётся на столе. Она просто исчезнет, когда я отвернусь. Или отнесу позже сам. Когда встаёшь, начинаешь двигаться – возвращается недомогание: в икрах покалывает, тоскливо тянет нерв, ломит в суставах, ноги ватные, пульс стучит молотком в висках. От этого я снова чувствую вязкий ток времени. Сделав несколько шагов, опускаюсь на скамью у стены.

Сколько я уже тут? Цепочка дней уходит вдаль, к пыльному терракотовому горизонту. Могу только сказать, что не всегда был здесь.

Комната просторная, очертания трудно описать языком геометрии. Гнутые углы, один большой оконный проём слева. Стены из камня и глины. Таких нор в скале – без счёта. И, думается, не все они пусты. Но увидеть другого, не говоря о том чтобы перекинуться словом, невозможно.

Однако... как-то утром я услышал стук. В стену долбили с другой стороны чем-то тяжёлым. Я догадывался, что там кого-то подсадили: последние дни из-за стены то и дело доносились возня... Спустя некоторое время в неровном проёме, пробитом в стене, появился человек – лохматый, потный, с ломом в руках. Смотрит ошалело на меня, раздувает ноздри, как бык на корриде.

– Привет, – говорю. – Как дела?

Он застыл на секунду, моргая широко раскрытыми южными глазами. Потом затараторил, жестикулируя. Я ни слова не мог разобрать.

– Извини, я тебя не понимаю.

Человек хлопнул себя ладонью по лбу и засмеялся. Смех незаметно перешел в слёзы... Осознал напрасность усилий. Это хорошо, полезно. Отрезвляет.

А стена стала понемногу зарастать свежей глиной, и через пять минут дыра закрылась. Только старым шрамом белеет до сих пор округлое пятно размером с бельевой таз.

На скамье можно отдышаться. Ломота в суставах утихает. Смотрю в окно: слева и справа две гряды жёлто-бурого песчаника высотой с пяти-шестиэтажный дом. Глыбы неровные, края торчат в разные стороны. Формация вряд ли естественная, но время и ветер обтесали камень, вписав его в ландшафт. Перед скалой между грядами пустырь – красноватая глина, покрытая пудрой мелкого песка. Гравий, перекасти-поле. Откуда здесь перекасти-поле? Видно, приносит ветром через стену. Может быть, ночью. В глиняной пыли редко увидишь сороконожку или другую мелкую тварь. Гряды лучами расходятся в разные стороны. В полудне ходьбы от скалы на пустыре появляются камни: меньше, потом больше, потом валуны, глыбы. Нава-

лены так плотно, что не пройти. А если и найдёшь извилистую тропку между ними, боишься потеряться – настолько одно место похоже на другое. Короче, не убежишь. И есть ли куда бежать?

Сегодня мне предстоит прогулка до этих самых валунов. Там, среди них, появляются гости, каждый раз в новом месте. Среда, полдень – время свидания. Дубовая тачка с кривыми колёсами ждёт у двери.

* * *

Через три часа возвращаюсь под палящим солнцем. Обливаюсь потом. Дед на тачке то кряхтит и охает, подпрыгивая на ухабах, то успокаивается, когда дорога ровная. Разглядывает заусенцы на толстых жёлтых ногтях. В пути мы не разговариваем.

Добрались, наконец, до скалы, испещрённой дырками окон. Ловлю на себе взгляд – быстро поднимаю глаза: ни души, лишь глухая темень оконных проёмов.

Высеченный в скальной породе тоннель ведёт к лифту, заходим внутрь. Каменная кабина вздрагивает, поехали. Пока едем, трос под нами выводит скрипучие рулады. Наконец, кабина дёрнулась и замерла. Ржавые двери медленно разъезжаются, выпуская в коридор. Полсотни метров по пустому коридору под звук шагов и скрип колёс, отражающийся от голых каменных стен, и я загоняю тачку в комнату. Пересаживаю деда на скамью, подпираю его столом, чтобы не свалился на пол. Входная дверь задвигается сама.

Подхожу к окну раздачи, нажимаю кнопку. Через минуту глухой звон металла о глину – отодвигаю заслонку, вынимаю из ниши железную миску с кашей, кружку с водой. Ставлю кашу и кружку перед дедом, сам сажусь рядом и жду.

Дед медленно разгибается, тянется непослушной рукой к ложке. Странно шевелит пальцами. Но ложку всё-таки ухитряется схватить. Зачерпывает кашу, пробует потрескавшимися губами.

– Другое дело, – говорит, наконец, – так можно жить.

Голос у гостя всегда поначалу механический, как у куклы.

– Каша – она и есть каша, – отвечаю я. – Я и забыл, что у неё есть вкус. Что, ваша хуже?

– Наша как тухлая болотная тина, – вдумчиво отвечает дед Семён, глядя в окно. Туда, где жёлтые камни сливаются с жёлтым небом.

Минут двадцать он сосредоточенно чавкает моей кашей, цедит воду из кружки и смотрит в окно. Приходит в себя. Вот уже движения более плавные. Откладывает ложку.

– Ну что, рассказывай, – говорю я. – Как у вас?

– Да как, – отвечает дед. – Всё так же. Стрекоза ожеребилась.

– И что жеребёнок?

– Ускакал в поле. Заржал, махнул хвостом, и видали его.

Пауза.

– Как баба Настя?

– А Настя вторую уж неделю в пещере.

– В пещере?

– Дымный шувгарь на холмах проснулся, – отвечает дед, озадаченно разглядывая мозолистую руку, которой только что держал ложку. – Бабка пошла за коровой, чтобы загнать на ночь в стойло, а та прёт и прёт от дома. Дура, опять бородатого испугалась. А потом трава и загорись. Не успели они вернуться. Я залез на крышу и махал, пока их было видно сквозь дым. Тут бабка и погнала её к пещерам. Потому что трава занялась, а за ней и воздух. Знаешь, как оно бывает. А в пещере вода сочится с потолка. Глубже, понятное дело, мертвяки. Но хоть не соришь!

– А как сам?

– Дома сижу, не выхожу. Из болота гады ползут, бородатый их дери. Я, конечно, заперся на все засовы. Так они через дымоход лезут. Ночью глаза открываю – один уже сидит у кровати, за руку меня держит. Холодный...

– И что ты?

– Схватил, что рука нащупала... Разделочную доску. И долбанул ему по спине. Вмазал как следует! Развалился, гад, на куски студня. Вроде как прокисший холодец. Непрочная субстанция. После того случая заткнул я дымоход газетами и соломой. Теперь ночью замерзаю, печку-то не затопишь.

– А Стрекоза? Ты её в дом не взял?

Дед поник головой.

– Не взял.

– А что она?

– Поутру выглядываю: стоит, к столбу привязанная. Гарь, дым... Осина горит за ней четвёртый день. Трава вокруг выгорела вся, но нет-нет да и займётся снова, как ветер с горы... Бывает, успокоится, заснёт. А потом снова дёрнется, затрясёт гривой, ударит копытом – земля с горелым дёрном летит во все стороны. Ржёт страшно.

– Ясно, – говорю. – А что в дом не берёшь?

– Не велит тот, сквозь которого видно. Третьего дня приходил в зеркало. ...Но это я тебе совершенно точно говорю: каша тут знатная. Так можно жить.

Мы молчим.

К вечеру дед теряет подвижность, взгляд тускнеет, останавливается. По морщинистой коже, как по расколотой глине, бегут тысячи мелких трещинок. К утру на скамье и на полу останется горка высохшей глины с песком. Я больше не смотрю на него.

* * *

Небо краснеет на горизонте, солнца не видно – оно дальше, справа.

Издали доносится мерный стук. Приближается. Слева на едва очерченную линию горизонта выбегает вечно взъерошенный Гигацып. В кривом клюве он держит бегунок небесной молнии. Спотыкается, встаёт и бежит дальше. Кр-тр-кра-тр-крап – небо закрывают на ночь. Спустя мгновение уже темно и холодно. На брезенте ночного неба появляются тусклые пятна: то ли за брезентом зажигают лампы, то ли он просто истёрся местами и там просвечивает внешнее небо.

Я ложусь на кровать. Это просто ниша в глиняной стене. Глина неровная, твёрдая, шершавая, уже холодная, хотя ещё недавно было жарко. Закутываюсь в дырявый плед из мешковины, словно гусеница в кокон. Поворачиваюсь лицом к стене, ни о чём не думаю, чтобы ночью не снились кошмары. Главное, не вспоминать, о чём рассказывают гости, чтобы не проснуться там, где не ждёшь. Пытаюсь представить что-то приятное: холмы, трава, ручей журчит. Как выглядит зелёная трава? Она зелёная, мягкая, прохладная от вечерней росы. Но, признаться, я уже с трудом помню, что такое «зелёная». Как налёт на медной дверной ручке? Где я видел такую ручку?.. Видел. Старинная, литая, с завитушками. Тяжёлая дубовая дверь с гранёными квадратами окошек в верхней части. Всё издевательски аккуратно. Бежевые мраморные колонны. Брызги фонтана легкомысленно преломляют солнечные лучи. Шелест листвы, замшевая пастельная кора платанов в округлых пятнах. Скамейка у фонтана. Она сидит на скамейке. Улыбается, сложив руки на коленях. Лицо разбираю с трудом...

Почему она никогда не приходит сюда? Наверно, потому, что не может прийти.

Глина подо мной становится тёплой и мягкой, как перина. Или как горячий песок на пляже (перину я не люблю). Песок засасывает. Абсорбирует материю. Я не против. Пусть. Волны тепла. Куда-то проваливаюсь. Или, наоборот, взлетаю. Покачиваюсь, как в лодке. Рас-

творяюсь в волнах. Сознание распыляется на миллиард капель, и каждая отражает свет внутреннего солнца. Которое нельзя украсть, спрятать за брезентом. Отражённый свет – это и есть моё сознание. Та его часть, которая не скована формой. Форма приходит и снова уходит, надо лишь запастись терпением.

Магритт. Яблоки

– Знаешь, что я скажу?
– ...?
– Бесконечные ландшафты
Пробуждают терпение.
Нам дано столько красоты,
Сколько мы можем вынести.
Волны набегают и испаряются.
Воздушных птиц мелодичный шелест.
Пространство до тех пор легитимно,
Пока ему доверяет тишина.
Ветер, вода и песок —
Вот природа сознания,
Клубящегося в вышине.
– Пожалуй, соглашусь. Плющ, корни которого
Погружены в пустоту, вьётся всё выше,
И узоры его неисчислимы.

Пруд

Трамвай тронулся, фасады медленно поплыли за окном. Сизо-зелёные деревья, и в воздухе будто висит водяная пыль. Камни тротуарной плитки тёмно-серые от влаги.

Приду домой и упаду на кровать. Мутная, тяжёлая, податливая, как вата, усталость. Особенно тяжелы ноги и голова. Суставы тянет и гнёт. Ботинки словно из свинца.

Задремал.

Открыл глаза – где я? А, в трамвае, еду. Куда еду? Череду домов и деревьев. Салон трамвая полупустой. Сутулые фигуры пассажиров сливаются с аляповатыми пластмассовыми креслами. Смотрю снова в окно и вижу там не то, что ожидал: снова перепутал маршрут и еду в другую сторону, на северо-запад.

Этот туман в голове... из-за спрея, который нам дают после работы. Чтобы мы не помнили, что делали в смену. А перед началом дают другой баллончик. Вдохнёшь и сразу вспоминаешь. Иначе работать было бы невозможно. За фабричным забором в памяти остаются лишь смутные образы... Залы, залитые рассеянным светом. Помещения с гудящими машинами. Кабинеты с письменными столами. Комнаты, в которых суетятся люди в спецодежде. Пустые подсобки, коридоры, лестничные клетки с непонятными значками на указателях. Ну и есть на территории завода сад с прудиком, он мне часто снится на выходных. Подземные тоннели – кабели, трубы. Всё больше антураж, конкретики мало. Чем мы там занимаемся? Мозолей на руках нет, но часто болят ноги. Много приходится ходить. Зачем, куда? В руке обычно чемоданчик... Тех, кто со мной работает, не помню. Только смутные образы – ни черт лица, ни имени, ни должности. Когда оказываюсь за забором, помню только Амалию в проходной, в тёмно-зелёной униформе, на лацканах значки. Она встречает меня у входа и передаёт какую-то информацию или вещи.

Из-за спрея у меня и в обычной жизни бывают проблемы с памятью – что-то стирается, а потом неожиданно возвращается. Приду в магазин, подойду к полке, протяну руку – и не помню, что хотел взять. Люди косятся...

Вдруг соображаю: трамвай привезёт меня к району подруги. Её остановка конечная на северо-западном направлении. Она уже наверняка дома. Раньше обычно заканчивает. Давно её не видел... Хорошо, что перепутал линию.

Трамвай, отрывисто скрипнув железными колёсами, остановился в крайней точке петли разворота, возле облупленной остановки, утонувшей в нависших ветвях серо-зелёного кустарника.

Пройдя по тропинке между кустов, направляюсь привычным путём. Между четырёхэтажных кирпичных домов с узкими балконами. В воздухе пахнет сырой травой и немного тиной. Иногда из открытого окна доносятся звуки музыки, звон посуды и запах готовящейся еды.

Когда я прошёл полпути и готовился обогнуть по тропинке очередной дом, случилось то самое выпадение – вдруг перестал понимать, где я и что я, куда иду и зачем.

В таких случаях я продолжаю видеть и воспринимать, но образы становятся пустыми от смысла, от распознавания, перестаю идентифицировать образы с картами сознания, с которыми мы обычно сличаем действительность, чтобы ориентироваться в ней.

Я научился не переживать из-за этого. Надо остановиться и ждать, пока пройдёт.

На самом деле, пребывание в море диффузных образов совсем не мучительно. Если перестать пытаться всё контролировать. Даже начинает нравиться. Плывёшь в озере впечатлений, перетекающих одно в другое, свободно проходящих сквозь тебя из мира в мир. Свобода – от узнавания и определённости.

Выпадение закончилось так же внезапно, как и началось. Я стоял возле какого-то дома.

Напротив – мальчик лет девяти. Что он видел секунду назад?
– Ну, чего уставился? – прикрикнул я. – Давай, свободен!
Мальчишка убежал.

* * *

Обогнув последний корпус на пути, я вышел к группе деревьев и кустов, сразу за которой обычно ждала меня близкая моему сердцу пятиэтажка буквой «П», обращённая концами к пустырю, живописно поросшему молодыми берёзками. Пересёк рощицу и не поверил глазам – дома не было.

Снесли?.. В моём районе недавно стали сносить старые панельные дома. Я помню ощущение: был дом, жили люди и всё такое прочее, а тут стоишь перед фундаментом, который словно срезали острым ножом вровень с землёй.

Но здесь ещё более странно – передо мной был не фундамент, а ров точно по форме цоколя, до краёв наполненный металлически-серой водой того же цвета, что и пасмурное небо над пустырём. У пруда стояла скамейка. Так, знаете ли, ставят скамейки на берегу городских прудов, чтобы прохожие могли спокойно полюбоваться водоёмом. Я присел.

Небо потемнело. Мелкая морось. Я застегнул куртку под самое горло. Какое-то время сидел так. Одежда постепенно напитывалась влагой.

Вдруг сквозь тучи пробился луч и протянул радугу над пустырём. Строгий голос из туч произнёс: «Та, что царила прежде в сердце твоём, теперь...» – и далее неразборчиво. Над зонтом побежали крючки непонятного письма – не то арабского, не то японского. Луч пополз по равнине и скользнул в ров с водой, остановившись почти у самых моих ног. Я привстал со скамейки, чтобы лучше рассмотреть: ров окружала невысокая кромка перекопанной глины, пахнувшей не то железом ковша, не то земляными червями.

Вода в пруду не то чтобы стала прозрачной, но обрела измерение глубины. Вглядываясь, я видел клубы тумана – они чередовались слоями: одни выше, другие ниже. Это были галактики, отдельные пространства, наполненные фантастическим многообразием форм. Луч указывал всё глубже и глубже, пока не остановился на мире сильных и изящных существ, покрытых золотистой чешуёй. В калейдоскопе стремительных мазков мелькнуло до боли знакомое лицо. Луч задержался на мгновение.

Я снова опустился на скамью. Дождь прекратился. Тучи разошлись, и в просвете образовалось синее небо. Поверхность пруда тоже стала синей и гладкой.

Из пруда поднялась полупрозрачная сфера, отливающая металлическим блеском. Медленно поплыла ко мне. Остановившись на секунду у самого носа, придвинулась ближе и окутала голову прохладным облаком мельчайших капель. Вечно зудящее беспокойство растаяло без следа. Я встал и пошёл обратно к трамвайной остановке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.